

УДК 821.161.1.0

DOI: 10.18384/2949-5008-2025-1-158-168

“THE RUSSIAN SOUL” В АНГЛОЯЗЫЧНОЙ КРИТИКЕ НАЧАЛА XX ВЕКА И СЕГОДНЯ

Сушкова Д. В.*Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
119991, г. Москва, Ленинские горы, д. 1, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Описать процесс популяризации и формы рецепции понятия «русская душа» в англоязычной критике начала XX в. и конца XX – начала XXI вв.

Процедура и методы. Проведён анализ исследований, посвящённых понятию «русская душа» в Англии XX в., а также в англоязычных странах в конце XX – начале XXI вв. Выявлены основные тенденции в истолковании истоков, формах интерпретации и применения понятия в оба периода. При анализе применены культурно-исторический и сравнительно-описательный методы.

Результаты. Проанализированы этапы становления «культу русской души» в Англии начала XX в., а также формы его влияния на писателей-современников. Проведён обзор проблем перевода, которые повлияли на рецепцию понятия в Англии и США. Выявлены основные области исследовательского интереса, связанные с использованием данного понятия в более поздний период рецепции.

Теоретическая и/или практическая значимость заключается в составлении целостной картины, говорящей об истоках и формах влияния понятия «русская душа» на культуру и литературу Англии начала XX в. и на более поздние литературоведческие исследования.

Ключевые слова: англоязычная критика, культ русской души, модернизм, проблема перевода, русская душа

“THE RUSSIAN SOUL” IN ENGLISH-LANGUAGE CRITICISM IN THE EARLY XX CENTURY AND TODAY

D. Souchkova*Lomonosov Moscow State University
Leninskie Gory 1, Moscow 119991, Russian Federation*

Abstract

Aim. To describe the rise in popularity and the forms of reception of the concept of “Russian soul” in English-speaking criticism of the early 20th century and the end of the 20th to beginning of the 21st century.

Methodology. An analysis of scholarly works dedicated to the concept of “Russian soul” in the 20th century England and in English-speaking countries at the end of 20th – beginning of the 21st century was conducted. Major tendencies in the attribution of origins, interpretation, and usage of the term were identified. The cultural-historical and comparative-descriptive methods were employed in the analysis.

Results. The stages of development of the “cult of the Russian soul” in the early 20th century England and its forms of influence on contemporary writers were analysed. An overview of translation issues that may have influenced the reception of the term was conducted. A range of key research directions linked to the term’s usage during the later period of reception was identified and analysed.

Research implications. The article constructs the “big picture” describing the origins and the modes of influence of the term “Russian soul” on the culture and literature of the early 20th century England and on English-language literary scholarship of the more contemporary period.

Keywords: English-language criticism, cult of the Russian soul, modernism, translation problem, Russian soul

Введение

Зарождение «культы русской души» в Англии исследователи относят к 1880-м гг., ознаменованным началом появления переводов русских романов на английский язык [9; 10; 12]. В это десятилетие группа английских интеллектуалов и политиков получила ироничное название «Души» (“The Souls”) из уст члена парламента Лорда Чарльза Бересфорда (Charles Beresford), потому что они только и делали, что «говорили о душах друг друга» [10, p. 132]. Книга Мельхиора де Вогюэ (Melchior de Vogüé) «Русский роман» (“Le Roman Russe”)¹, вышедшая в 1886 г., во многом задала тон тому представлению о русской душе, которое в дальнейшем обогатилось и окрепло. Уже в 1886 г. обозреватель американского журнала *Nation* обращает внимание на наблюдение де Вогюэ о том, что в этих «странных писателях ... наиболее всего впечатляет некая простота и величие души, нежность природы, склонность к неограниченному самопожертвованию, которая для нас нова и привлекательна» (здесь и далее перевод наш. – Д. С.) [9, с. 180]. Профессор колумбийского университета Дороти Брустер (Dorothy Brewster) отмечает, что книга де Вогюэ также во многом способствовала тому, что роль «представителя русской души» закрепились именно за Ф. М. Достоевским, в котором «нежность и жестокость, любовь к абстрактному и конкретному соединились в своеобразный мистический реализм» [9, p. 180].

Рецепция понятия «русская душа» в англоязычной культуре, литературе и критике обсуждалась исследователями многих направлений зачастую в контексте творчества определённого писателя или литературного движения. Например, профессор Р. Р. Хуснулина в своей монографии «Английский роман XX в. и наследие Ф. М. Достоевского» исследует роль Достоевского в качестве духовного и идейного вдохновителя английских литераторов на протяжении всего XX в.² В статье

на сходную тему – «Достоевский, Чехов и русский балет: образы варварства и духовности в британском отклике на русскую культуру, 1911–1929» – Д. Протопопова описывает формирование образа России среди «блумсберийцев» в Англии начала XX в.³ Исследователь считает, что интерес к вопросам духовным, вдохновлённый творчеством Достоевского и Чехова, уживался у британцев с представлениями о варварстве русских. В своей статье «Загадочная русская душа» профессор В. А. Луков отмечает, что начало формирования образа России исследователи английского средневековья относят к IX в. [1; 4; 6]. Особый интерес европейцев к загадочному внутреннему миру русских, однако, Луков связывает с военными победами более позднего периода над шведами и над Наполеоном. Луков задаётся вопросом, почему образ «загадочной русской души» стал столь важным для восприятия России в западных странах, а не в восточных. Исследователь заключает, что главным источником представлений о «русской душе» стала литература XIX в., в которой этическое начало господствовало над эстетическим. Хотя Луков не выделяет наследие Достоевского в отдельную категорию, имеющую особое отношение к рецепции понятия «русская душа», исследователь отмечает значительный вклад писателя в создание образа «душевной» русской литературы. В статье «Особенности восприятия русской культуры в Англии (конец XIX–XX в.)» Т. Н. Красавченко рассматривает многосторонние грани восприятия творчества русских классиков в Англии рубежа XIX–XX вв. Автор приходит к выводу, что «загадочная русская душа» воспринималась англичанами как заслуживающая удивления и интереса, но оставалась для них чужой [3, с. 111]. Профессор И. Е. Бабушкина в своей статье о

Russian_Soul_in_Virginia_Woolf (дата обращения: 07.07.2024).

¹ Vogüé M. E., de. *Le Roman Russe*. Plon, Nourrit, 1886.

² Nocerino M. *The Russian Soul in Virginia Woolf* [master's degree thesis] [Электронный ресурс]. URL: https://www.academia.edu/44620136/The_

³ Красавченко Т. Н. Достоевский, Чехов и русский балет: образы варварства и духовности в британском отклике на русскую культуру, 1911–1929 [Рецензия] // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 7: Литературоведение: Реферативный журнал. 2009. № 2. С. 66–71.

влиянии русской духовности на произведения американских классиков отмечает, что обмен на уровне духовных ценностей сегодня может помочь разобщённым политической повесткой народам взаимодействовать друг с другом. Бабушкина предлагает соотечественникам взглянуть на «другую Америку» сквозь призму творчества писателей, попавших под влияние «духовности» русской литературы [2, с. 2]. Именно русская литература, согласно исследователю, помогала американским писателям XX в. удержаться на краю бездны позитивизма и других эксцессов промышленной революции. Бабушкина считает, что «Анна Каренина» Л. Н. Толстого вызвала наибольший интерес у американской публики благодаря полемике автора с идеями социал-дарвинизма. Интересен также тот факт, что именно русская женщина «формирует юные души американцев» в романе Тортон Уальдера «День Восьмой» [2, с. 14]. Устами русской героини писатель сетует о заблуждениях западноевропейцев, которые погрязли в жажде богатства и удовольствий. Россию Уальдер возводит в роль «ковчега, в котором человечество спасётся от всемирного потопа» [2, с. 15]. Таким образом, рецепция творчества Достоевского и других русских классиков как носителей духовных ценностей в начале XX в. и позднее привлекала внимание многих исследователей. Приведённый обзор далёк от исчерпывающего. Однако в данной статье предпринимается попытка рассмотреть историю рецепции понятия «русская душа» с особого ракурса – в качестве целостного процесса в англоязычном пространстве в обозначенный период и с особым вниманием к наследию Ф. М. Достоевского.

Кульť «русской души» в Англии начала XX века

Во время Русско-японской войны английские путешественники, такие как Морис Бэринг (Maurice Baring)¹ и Стивен Грэхэм (Stephen Graham),² излагают свои впечатле-

ния о России в ставших широко популярными книгах о русской жизни и литературе. Для Грэхэма Россия становится «священным местом, где западный разум может расслабиться и созерцать красоту природы»³. Поэт Вера Меркурьева знакомит Грэхэма с творчеством поэтов-символистов: А. А. Блока, К. Бальмонта и Ф. Сологуба и др. [7, с. 256]. Тем не менее, для широкой британской публики изучение идей русского религиозного ренессанса остаётся труднодоступным из-за отсутствия переводов и малого издательского интереса [7, р. 256]. Термин «русская душа» используется без особой точности британскими деятелями культуры, которые сплавляют воедино эстетические, философские и религиозные подтексты [7, р. 260]. Появление А. П. Павловой в Лондоне в 1910 г., а также знакомство с произведениями русских композиторов и художников способствует росту интереса к «загадочной русской душе» [9, р. 182].

Как отмечает профессор Кэтрин Браун (Catherine Brown), несмотря на появление новых переводов больших русских романов и знакомства с другими русскими произведениями искусства, увлечение «русской душой» во многом создавалось и поддерживалось англичанами для удовлетворения собственных внутренних потребностей. В частности, к понятию «русской души» обращались те, кто хотел указать на недостаток духовности в собственном обществе. «Философические письма» П. Я. Чаадаева нашли отклик у многих английских писателей, таких как Вирджиния Вулф (Virginia Woolf), Джон Миддлтон Марри (John Middleton Murry), Хью Волпол (Hugh Walpole) и Чэз Бифорд (Chas Byford). Они воспринимали Россию как молодую страну со светлым будущим и неограниченным духовным потенциалом как своего рода духовный Новый Свет. В то же время другие писатели, такие как Аллан Лесбридж (Allan Lethbridge), выводили на первый план пас-

¹ Baring M. Landmarks in Russian Literature. Methuen, 1916. 224 p.

² Graham S. Russia in 1916. Macmillan, 1915. 191 p.

³ Nocerino M. The Russian Soul in Virginia Woolf [master's degree thesis] [Электронный ресурс]. URL: https://www.academia.edu/44620136/The_Russian_Soul_in_Virginia_Woolf (дата обращения: 07.07.2024).

сивность, преданность царю и способность переносить тяготы. Эти качества были выгодны англичанам в россиянах как военному союзнику [9, р. 8]. Создание образа подходящего союзника стало ещё одной важной мотивировкой для популяризации понятия «русской души» в Англии.

За месяцы до начала первой мировой войны обозреватель газеты *Times* говорил о том, что Англия должна повернуться спиной к американскому материализму и обратить своё сердце к России и к вещам духовным [9, р. 183]. Писатель С. Грэхэм, встречавшийся с М. Горьким, размышлял о том, что тот образ России, с которым боролся Горький в своей критике Достоевского, наиболее интересен для англичан. Если бы Россия приняла на себя «оптимистический, самоуверенный, деловитый, элегантный и западный» вид, она утратила бы свою духовную притягательность [9, р. 183]. Обращение к «русской душе» как антитезе материализма не было новым: ещё с 1880-х гг. критики противопоставляли одухотворённость русской литературы «французскому натурализму и британскому новому реалистическому роману» [7, р. 255]. А в 1914 г. «русская душа» стала противопоставляться уже немецкому материализму.

Открытое письмо, задуманное Г. Д. Уэллсом (G. H. Wells), написанное Гильбертом Марри (Gilbert Murray) и спонсированное писателями – членами Бюро военной пропаганды Великобритании, было опубликовано в 1914 г. в газетах *Times* и *Manchester Guardian* [7, р. 244]. Его подписали известнейшие писатели страны. В письме говорилось о том, что, несмотря на чуждость языка и обычаев, в романах И. С. Тургенева, Л. Н. Толстого и Ф. М. Достоевского англичане открыли для себя «новую родину, встретили дальних родственников и открыли глубины мысли, которые лежали недопонятыми глубоко внутри» [7, р. 246].

Публикация книги Джейн Харрисон (Jane Harrison) «Россия и русский глагол: вклад в психологию русского народа» (“Russia and the Russian Verb: a Contribution to the Psychology of the Russian People”) в

1915 г. также отразилась на взглядах англичан на «русскую душу». Харрисон отмечает, что у русского глагола больше видов, чем времён: он создан для отображения незавершённого действия. Из этого Харрисон делает вывод, что русские, в особенности русские писатели, отказываются от окончательных моральных суждений над людьми. Автор видит в подобных свойствах русского глагола ключ к пониманию русской души [9, р. 185]. Подобные лингвистические изыскания подтолкнули исследователей к попыткам представить русскую литературу в качестве источника духовного откровения.

После революции культ русской души стал видоизменяться. Поэты, писатели и критики 1930-х гг., так называемой «Розовой декады» (The Pink Decade), уставшие от господствующего истеблишмента, не создали для себя нового культа «Пролетарской Души». Однако они по-своему продолжали обращаться к России как к образцу духовного развития. И, хотя критик В. С. Притчетт (V. S. Pritchett) в статье в журнале *A New Statesman* 1942 г. отзывается об «когда-то печально известной русской душе», это понятие не утратило своего влияния окончательно, ни в 1940-х гг., ни сегодня [9, р. 187].

Вопросы перевода

Уникальное английское восприятие «русской души», как отмечает профессор Кэтрин Браун, во многом основано на искажении понятия в процессе перевода. Писательница и критик Вирджиния Вулф, сыгравшая важную роль в популяризации творчества русских писателей, отмечает, что «разум сохраняет предрассудки места своего рождения и, когда он находит литературу столь инородную, как русская, улетает по касательной далеко от истины»¹ [10, р. 136]. По мнению Браун, понятие «русской души» коренным образом отличается от переводного аналога, “Russian Soul” [10, с. 137]. Американский антрополог Дэйл Песмен (Dale Pesmen) проанализировала использование слова «душа»

¹ Woolf V., McNeillie A. The Essays of Virginia Woolf: 1925-1928. Hogarth Press, 1986. 653 p.

у жителей Омска в 1989–1995 гг. Песмен определила, что «душа» «соотносится с природой, пространственной протяжённостью ..., глубиной, высотой, сердцем, бесконечной щедростью и недостатком прагматизма (продемонстрированным Раскольниковым, когда он передал свои последние деньги семье Мармеладова в «Преступлении и наказании»), юродством (как у Князя Мышкина в «Идиоте»), чудесами, надеждой, самовыражением, искусством, музыкой (в особенности русской), подарками, женственностью (душа, как и Seele, l'âme, и anima, женского рода), гиперболичностью, и необъяснимостью» [10, р. 137]. Отметим, что в конце XX в. американский исследователь всё так же использует примеры из творчества Ф. М. Достоевского для пояснения понятия «душа». Согласно Песмен, всему вышеупомянутому противостоит быт, сила, богатство, власть, Запад и т. д. Важный элемент, который наблюдается в этих описаниях, – противоречивость. Например, душа может содержать в себе тайну и в то же время быть крайне открытой чужому [10, р. 137–138]. Таким образом, понятие «душа» не имеет точного аналога в английском переводе. Первый влиятельный переводчик Достоевского Констанс Гарнетт переводила слово «душа» в большинстве случаев как “soul”, но иногда и как “heart” («сердце») [10, р. 146]. Это также свидетельствует о более широком значении понятия «душа» в русском языке.

Сложности перевода слов «душа» и «русская душа» включают невозможность приписать слову “soul” женский род, который отличал бы «душу» от «духа». Необходимость артикля в английском языке также обязывает разграничивать коллективную и индивидуальную души [10, р. 144]. Вирджиния Вулф отмечает, что Достоевскому не важен социальный статус его героев. Души у всех одинаковы, и каждая душа общается с душами других. Однако такого типа понимание чуждо самой Вулф, для которой более естественно строгое разделение на классы в социуме. Тем не менее, Вулф отмечает, что в русском понимании «души»

заложена идея братства между народностями. Словосочетание «русская душа» или “Russian soul” несёт в себе двойное значение. Это одновременно и общечеловеческая душа в русском восприятии, и особенная душа, присущая только людям русской культуры [10, р. 144–145].

Достоевский, русская душа и английская литература

В 1945 г. английский издатель Ловат Диксон (Lovat Dickson) отмечал, что главной заслугой русских писателей было то, что великий русский роман XIX в. подарил английским писателям возможность говорить о душе, не краснея [10, р. 132]. Такой возможности не было ни у Чарльза Диккенса, ни у Уильяма Теккерея. В 1882–1941 гг. одна из главных представительниц английского модернизма, Вирджиния Вулф, написала множество эссе о русских писателях, включая «Русскую точку зрения» (“The Russian Point of View”) (1925)¹, «Немного Достоевского» (“A Minor Dostoevsky”) (1917)², «Больше Достоевского» (“More Dostoevsky”) (1917) и «Вопросы Чехова» (“Tchehov’s questions”) (1918)³. Возможно, развёрнутому внутреннему монологу героев Вулф училась именно у Достоевского [10, р. 138]. Например, в романе «Миссис Дэллоуэй» (“Mrs. Dalloway”) Питер вспоминает о том, что Салли Сэттон (Sally Setton) умоляла его спасти её от джентльменов, которые «подавляли бы её душу» [10, р. 134]. Героини «Влюблённых женщин» (“Women in Love”) Д. Г. Лоуренса (D. H. Lawrence) стесняются говорить о душе, в то время как дед Урсулы в «Радуге» (“The Rainbow”) уже нет [10, р. 134]. Для Вулф именно «душа» является «главной героиней русской литературы»⁴.

¹ Woolf V., McNeillie A. The Essays of Virginia Woolf: 1925–1928. Hogarth Press, 1986. 653 p.

² Там же.

³ Nocerino M. The Russian Soul in Virginia Woolf [master’s degree thesis] [Электронный ресурс]. URL: https://www.academia.edu/44620136/The_Russian_Soul_in_Virginia_Woolf (дата обращения: 07.07.2024).

⁴ Nocerino M. The Russian Soul in Virginia Woolf [master’s degree thesis] [Электронный ресурс].

У Достоевского, согласно Вулф, русская душа достигает гигантских размеров; читатель встречается с необъятными личностями Ставрогина, Мышкина и других его героев. В то же время в каждом великом русском писателе, согласно Вулф, проглядывает лик святого, который готов исполнить религиозную миссию сострадания по отношению к окружающим [9, p. 187].

Однако, английские писатели не всегда видели в Достоевском пример для подражания. Например, Д. Г. Лоуренс называет его порочным, злым гением. Лоуренс объясняет популярность русских писателей тем, что у них «каждый карманник так глубоко осознаёт собственную душу, что читатель вынужден склониться перед её феноменальными проблесками» [9, p. 187]. В этих «феноменальных проблесках» душ ничтожных людей для Лоуренса заключается вся русская литература. Лоуренс противопоставляет стоическую душу американцев загадочной русской душе и предлагает английской публике осознать своё родство с первой, а не с последней [9, с. 18].

Возможно, даже Вирджинии Вулф не был целиком чужд ориентализм, которому Эдвард Саид (Edward Said)¹ дал определение в своей одноимённой книге². Согласно Саиду, ориентализм – колониальное понятие, которое подразумевает превосходство западных держав над примитивными странами Ближнего Востока и Африки; подобная точка зрения может распространяться и на Россию. Достоевский для Вулф оставался слишком спонтанным, «слишком скандальным, его реакции – слишком сильными»³. Признавая особенность рус-

ских романов, Вулф отстаивает преимущества британского взгляда на мир, который способен опротестовать трагическую картину мира русских⁴. В зрелости Вулф также критикует бывшего кумира за недостатки художественной формы⁵.

Творчество Достоевского и связанное с ним понятие «русской души» производило впечатление скорее «живой реальности, чем литературы» [10, p. 148]. В статье 1930 г. «Достоевский и роман» (“Dostoevsky and the Novel”) обозреватель *Times Literary Supplement* признавался в том, что после Достоевского необходимость изображать незримую реальность или душу «стало навязчивой идеей европейского романиста» [10, p. 149]. Позднее, в книге «Достоевский и английский модернизм» (“Dostoevsky and the English Modernism”) Питер Кэй (Peter Kaye) характеризует период 1900–1930-х гг. как период «искреннего интереса к той странной туманности, что называется русской душой» [10, p. 135]. Таким образом, мистицизм, оппозиция викторианскому материализму и психологизм Достоевского указали новые пути развития английского модернизма⁶.

Переосмысление в конце XX – начале XI века

Десятилетия спустя после вспышки и угасания культа «русской души» англоязычные филологи возвращаются к исследованию истоков когда-то столь шумевшего феномена. В частности, в 1970-е и 1980-е гг. вышли в свет работы профессора Роберта Вильямса (Robert C. Williams) и профессора Вэйна Доулера (Wayne Dowler) [12; 16].

В своей статье «Русская душа: исследование европейской мысли и неевропейского национализма» (“The Russian Soul: A Study in European Thought and Non-European Nationalism”) (1970) Вильямс задаётся вопросом о том, каким образом русские решили, что являются обладателями особой

URL: https://www.academia.edu/44620136/The_Russian_Soul_in_Virginia_Woolf (дата обращения: 07.07.2024).

¹ Said E. W. *Orientalism*. Penguin Group, 1995. 416 p.

² Nocerino M. *The Russian Soul in Virginia Woolf* [master's degree thesis] [Электронный ресурс]. URL: https://www.academia.edu/44620136/The_Russian_Soul_in_Virginia_Woolf (дата обращения: 07.07.2024).

³ Nocerino M. *The Russian Soul in Virginia Woolf* [master's degree thesis] [Электронный ресурс]. URL: https://www.academia.edu/44620136/The_Russian_Soul_in_Virginia_Woolf (дата обращения: 07.07.2024).

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

«души», отличающей их от остальных [16]. Вильямс прослеживает истоки понятия к немецкому идеализму, который приобрёл популярность в России, на его взгляд, не ранее 1830-х гг. Немецкий идеализм подразумевал оптимистический взгляд на развитие нации как живого организма [13, р. 54], тогда как позитивизм предполагал поиски истины в законах природы, а идеалисты обращались к человеческой душе как к источнику законов бытия [12, р. 29]. В то же время для немецких интеллектуалов Россия была частью загадочного нового мира. Труды основоположника немецкого идеализма Фридриха Шеллинга не только передавали знания о науке и метафизике, но и предрекали России «великую цель» [16, с. 576].

Однако только в начале 1940-х гг., согласно Вильямсу, европейская теория и русский национализм сливаются в позднее популяризованном понятии «русская душа» [16, р. 579]. Первенство в использовании понятия в современном смысле Вильямс присуждает В. Г. Белинскому. После встречи с Гоголем в 1842 г. Белинский в статье о поэме «Мёртвые души» говорит о проблесках гения в русской литературе, «размашистых, как широкая русская душа» [16, р. 580]¹. Россия, согласно Белинскому, приобрела великую литературу, т. к. у неё появился писатель, который способен «проводить через свою душу живую явления внешнего мира» [16, р. 580]². Вильямс отмечает, что на словах Белинского сказывается влияние Шеллинга. Таким образом, наследие немецкого идеализма породило способ описания русской действительности, который впервые не был ни официальным, ни славянофильским. А первым человеком, озвучившим это романтическое понятие, стал деятель, который закрепил за собой репутацию западника и борца с той самой действительностью [16, р. 580]. Исследователь-эмигрант Светлана Бойм в своей статье «Русская душа и посткоммунистическая ностальгия» (“The Russian

soul and post-communist nostalgia”) также указала на первенство Белинского в переводе общественного дискурса с карамзинского официозного патриотизма в общенародное русло, не обусловленное ни классом, ни национальностью [8, р. 129].

Позднее, в конце 1840-х гг., Н. В. Гоголь использовал словосочетание «русская душа» в черновиках второй части «Мёртвых душ» [16, р. 580]. Затем в 1850-х гг. понятие «русской души» растворяется в прениях между западниками и славянофилами. Однако неудача в Крымской войне, согласно Вильямсу, заставляет русскую интеллигенцию вновь озадачиться поисками национальной идеи. Вильямс связывает возрождение интереса к «русской душе» с Аполлоном Григорьевым, который писал о русском народе словами Ф. Шеллинга и И. Г. Гердера. Григорьев предпочитал термин «душа» славянофильскому «духу» [12, р. 78]. Политический панславизм был чужд концепции Григорьева; он выступал за права регионов по отношению к Москве [12, р. 146].

Достоевский, как и Григорьев, использовал понятие «русской души» в значении «невыраженного, бессознательного идеала» [16, р. 583]. Однако особенность формулировки Достоевского состоит в том, что писатель проинтегрировал различные линии русской и европейской мысли: разные типы национализма, ностальгию и религиозность славянофилов и даже идею крестьянской общины [16, р. 583]. Тем не менее после 1880 г., когда Россия начала более интенсивно индустриализироваться, поддерживать чувство превосходства, связанное с сохранением традиционного жизненного уклада, стало сложнее. Перипетии империализма и первая мировая война заставили европейцев искать духовную точку опоры вовне. Французский критик Жюль Леметр (Jules Lemaitre) заметил, что Россия вернула Европе «сущность её собственной литературы сорока или пятидесятилетней давности, обогащённую путешествием сквозь умы, столь отличные от наших» [16, р. 585]. В предвоенной Германии Достоевский стал «психопатологом человеческой души» [16, р. 586]. Для

¹ Белинский В. Полное собрание сочинений: в 13 т. Т. 10. М., Л.: Ин-т русской литературы АН СССР. 1955. С. 216.

² Там же.

Райнера Мария Рильке славянская душа могла находить одухотворяющий смысл в страдании; Освальд Шпенглер оказался увлечённым адептом культа Достоевского, а Герман Кайзерлинг с восхищением отзывался о русских как о нации, «богатой душой и жизненной силой» [16, р. 586].

Вильямс заключает, что популяризация понятия «русская душа» произошла далеко не случайно. Оно было изначально заимствовано у Европы в политических и социальных целях, а затем Европа «заимствовала его назад» [16, р. 588]. Исследователь оговаривается, что подобная деконструкция не снимает некоторой аутентичности понятия с точки зрения русских. Русские действительно первыми поняли, что экономический прогресс и материализм могут скомпрометировать человеческую душу. Тем не менее Вильямс указывает и на то, что понятие народной души применимо не исключительно к России. Например, палестинский историк Набих Амин Фарис писал об арабской миссии транспортировать западную цивилизацию на Восток и восточную «душу» на Запад. Филолог и арабист Г. Е. фон Грюнебаум (G. E. Grunebaum) также описывал феномен, в процессе которого «арабы и другие народности идут по стопам русских, борясь с Западом и одновременно осваивая его культуру» [16, р. 588]. Таким образом, взгляд Вильямса на понятие «русской души» уходит далеко от дословного значения этого словосочетания.

В статье «От русской души до посткоммунистической ностальгии» (“From the Russian soul to post-communist nostalgia”) Бойм указывала на то, что «мессианская бездомность» русской идеи противостоит западному, в частности, американскому идеалу личного счастья в разграниченном пространстве [8, р. 136]. Бойм придала понятию русской души, развитому в русской литературе под влиянием немецкого романтизма, оттенок национального шовинизма. В отличие от Вулф, для которой «русская душа» несёт в себе идею общечеловеческого братства, Бойм считала, что только русские, согласно Достоевскому,

являют собой универсальную модель человека, которую для писателя воплощал А. С. Пушкин [8, р. 142]. Миф о русской душе, согласно Бойм, был воскрешён Николаем Бердяевым (см. его произведение «Душа России»), в начале XX в. [8, р. 143]. В его работах «русская душа» принимает образ скитальца, находящегося в вечном поиске невидимого Китежа.

Однако понятие «русской души» продолжает восприниматься в качестве универсального авторами различных национальностей. Например, писатель Дейл Питерсон (Dale E. Peterson) в своей статье «Оправдывая маргинальность: понятие “Души” в русских и афроамериканских текстах» (“Justifying the Margin: The Construction of “Soul” in Russian and African-American Texts») указывал на то, что понятие народной души, взятое на знамёна деятелями гарлемского ренессанса, было изначально выработано в качестве протеста против доминирующего, универсализирующего западного дискурса [15]. Согласно Питерсону, академическое переосмысление афроамериканской литературы в 1980-х гг. совпало с запоздалым выходом в свет полноценного перевода книги М. М. Бахтина в 1984 г.¹ [15, р. 750]. С этих пор диалогический анализ языка и культуры приобрёл огромную популярность, а исследователи афроамериканской литературы начали говорить о её карнавальности [11, р. 295]. Писатель Генри Луис Гейтс определяет особый язык афроамериканцев по Бахтину как язык слов с двойными значениями с оглядкой на чужое, зачастую враждебное, слово. Таким образом, язык «народной души» в афроамериканской трактовке выражает скрытую самобытность, которая была вытеснена на второй план господствующим англосаксонским дискурсом. Литература «души» оправдывает маргинализированное сообщество, «создавая неожиданное богатство смыслов» там, где его не подразумевалось [15, р. 751].

Согласно Питерсону, опыт славян и афроамериканцев объединяет болезненное осознание собственной отстранённо-

¹ Emerson C., Holquist M. Problems of Dostoevsky's poetics. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1984. 378 p.

сти от европейской философии истории. Питерсон напоминает, что в парадигме немецкого историзма русские были в не-намного лучшем положении, чем темнокожие, чью цивилизацию Г. Гегель считал антитезой прогресса. Даже в более мягкой, гердеровской, трактовке сущность русских отождествляется с «обломовщиной»: «они щедры, чрезмерно гостеприимны, любят сельскую свободу, но смиренны и послушны ... Стоит ли удивляться тому, что после того, как эта нация веками несла на себе ярмо рабства, её миролюбивый характер погрузился в изошрённую, жестокою пассивностью раба?»¹ [15, р. 752]. Согласно Питерсону, у русских родилось понятие «души» в оппозиции «духу» немецкого историзма. Питерсон находит естественным то, что афроамериканцы впитали национальный опыт России XIX в. [15, р. 751]. В «Записках из Мёртвого дома» путешествие рассказчика в недра маргинализованного сообщества «маскирует критику западной рациональности в рамках своеобразной духовной автобиографии» и «постепенно создаёт свидетельство о новой народной душе» [15, р. 756]. В отрывке известного сочинения писателя и активиста У. Э. Б. Дюбуа (W. E. B. Dubois) «Души чёрного народа» (“The Souls of the Black Folk”) Питерсон также слышит отголоски творчества Достоевского и его описания широкой русской души: «Негр рождён... с двойным сознанием, с чувством того, что смотрит на себя сквозь глаза других, измеряя свою душу мерилom мира, который смотрит на него с презрением и жалостью. Чувствуется его раздвоение. Воюющие идеалы в одном... теле...» [15, р. 757]. Таким образом, литература «народной души» подрывает повестку господствующего общества; однако не каждый читатель может услышать этот скрытый подтекст [15, р. 757]. Согласно Питерсону, стремление проявить свою особую сущность по отношению к доминантной европейской традиции было ключевым в формировании русской литературы, которая, в свою очередь,

помогла афроамериканским писателям найти собственный язык [11, р. 298].

В более поздней статье «Россия и миссия афроамериканской литературы» (“Russia and the Mission of African-American Literature”) Питерсон вспоминал, что ещё в 1904 г. афроамериканский учёный и активист Уильям Скарборо (W. S. Scarborough) обращался за вдохновением к образу А. С. Пушкина [11]. Скарборо считал, что именно осознание принадлежности к африканской расе обеспечило русскому поэту особую восприимчивость к элементам фольклора из уст няни-крепостной и помогло ему осознать богатство родного языка [11, р. 289]. Хотя последнее утверждение трудно доказуемо, оно ещё раз указывает на распространённость попыток установить «душевные» связи с русской литературой.

В книге Жанны-Мари Джексон (Jeanne-Marie Jackson) «Русская душа южноафриканской литературы. Повествовательные формы глобальной изоляции» (“South African Literature’s Russian Soul. Narrative Forms of Global Isolation”) исследовательница выдвигает гипотезу о том, что чувство отстранённости от мирового процесса может быть не менее плодотворным для национальной литературы, чем её универсальность [14]. На этой почве Джексон проводит параллели между литературами России XIX в. и Южной Африки [14, р. 9]. Согласно Джексон, дело не в том, что русские писатели предоставили альтернативную культурную метрополию для писателей Южной Африки, а в том, что язык русской литературы XIX в. оказался подходящим для описания кризисного состояния Южной Африки конца XX – начала XXI в. [14, р. 14]. Реализм этих исторических периодов, согласно Джексон, особый тип реализма; в обоих случаях это «реализм социального кризиса» [14, р. 10]. И русский, и южноафриканский реализм отражают чувство отчуждённости от магистральной линии глобального развития, а следовательно, и ощущение собственного обособленного пути [14, р. 25].

¹ Herder J. G. v. Outlines of a Philosophy of the History of Man. New York: Bergman Publishers, 1969. 558 p.

Заключение

Понятие «русской души», выработанное в России в середине XIX в. под влиянием немецкого романтизма, обрело огромную популярность в англоязычных странах в начале XX века. Распространение переводов романов Ф. М. Достоевского в 1912 г. привело к зарождению «культы русской души» в Англии. Неполные представления о русской духовности также помогли английским пропагандистам оправдать союз с самодержавной Россией в первой мировой войне.

Понятие «русской души» использовалось англичанами для критики материализма собственного общества. Яркий образ «русской души» в творчестве Ф. М. Достоевского также помог открыть новые пути писателям английского модернизма. Тем не менее, вопрос о том, насколько экспортированное понятие “the

russian soul” соответствовало отечественному оригиналу, сохраняется.

В конце XX – начале XXI в. англоязычные учёные продолжают делать попытки пересмотреть историю развития и применения понятия «русская душа», объяснить его истоки и формы влияния. Например, исследователей последних лет интересует влияние на литературу маргинализированных западным дискурсом национальных или расовых групп. Вопрос о том, является ли понятие «русская душа» предметом особого интереса для представителей маргинализированных сообществ или же продолжает задавать тон восприятию русской литературы мейнстримом англоязычных критиков, остаётся открытым.

Статья поступила в редакцию 04.07.2024.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеев М. П. Очерки по истории англо-русских литературных отношений (XI–XVII вв.): тезисы диссертации на степень доктора филологических наук). Л.: АН СССР, 1937. 6 с.
2. Бабушкина И. Е. О влиянии русской классики XIX века на американских писателей XX в. // Вестник Бурятского государственного университета. 2017. № 1 (31). С. 158–174.
3. Красавченко Т. Н. Особенности восприятия русской культуры в Англии (конец XIX–XX в.) // Вестник культурологии. 2012. № 4. С. 98–114.
4. Луков В. А. Загадочная русская душа [Электронный ресурс] // Знание. Понимание. Умение: электронный журнал. 2008. № 4. URL: http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2008/4/Lukov_VI (дата обращения: 07.09.2024).
5. Матузова В. И. Английские средневековые источники IX–XIII веков. М.: Наука, 1979. 268 с.
6. Михальская Н. П. Образ России в английской художественной литературе IX–XIX веков. М.: Литературный институт имени А. М. Горького, 2003. 132 с.
7. Beasley R. Russomania: Russian Culture and the Creation of British Modernism, 1881–1922. Oxford: Oxford University Press, 2020. 550 p.
8. Boym S. From the Russian soul to post-communist nostalgia // Representations. 1995. Vol. 49. P. 133–166.
9. Brewster D. The Russian Soul: An English Literary Pattern // The American Scholar. 1948. Vol. 17. № 2. P. 179–188.
10. Brown C. The Russian Soul Englished // Journal of Modern Literature. 2012. Vol. 36. № 1. P. 132–149.
11. Deavel D. P., Wilson J. H. Solzhenitsyn and American Culture: The Russian Soul in the West. Notre Dame: University of Notre Dame Press, 2020. 392 p.
12. Dowler W. Dostoevsky, Grigor'ev, and Native Soil Conservatism. Toronto: University of Toronto Press, 1982. 240 p.
13. Erley M. On Russian Soil: Myth and Materiality. Ithaca: Cornell University Press, 2021. 204 p.
14. Jackson J.-M. South African Literature's Russian Soul: Narrative Forms of Global Isolation. London: Bloomsbury Publishing, 2015. 248 p.
15. Peterson D. E. Justifying the Margin: The Construction of “Soul” in Russian and African-American Texts // Slavic Review. 1992. Vol. 51. № 4. P. 749–757.
16. Williams R. C. The Russian soul: a study in European thought and non-European nationalism // Journal of the History of Ideas. 1970. Vol. 31. № 4. P. 573–588.

REFERENCES

1. Alekseev M. P. *Ocherki po istorii anglo-russkikh literaturnykh otnoshenij (XI–XVII vv.): tezisy dissertacii na stepen' doktora filologicheskikh nauk* [Essays on the history of Anglo-Russian literary relations (11th–17th centuries): dissertation abstract for the degree of Doctor of Philology]. Leningrad, AN SSSR Publ., 1937. 6 p.
2. Babushkina I. E. [On the influence of Russian classics of the 19th century on American writers of the 20th century]. In: *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Buryat State University], 2017, no. 1 (31), pp. 158–174.
3. Krasavchenko T. N. [Features of the perception of Russian culture in England (late 19th–20th centuries)]. In: *Vestnik kul'turologii* [Bulletin of Cultural Studies], 2012, no. 4, pp. 98–114.
4. Lukov V. A. [Mysterious Russian soul]. In: *Znanie. Ponimanie. Umenie: elektronnyj zhurnal* [Knowledge. Understanding. Skill: electronic journal], 2008, no. 4. Available at: http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2008/4/Lukov_VI (accessed: 07.09.2024).
5. Matuzova V. I. *Anglijskie srednevekovye istochniki IX–XIII vekov* [English medieval sources of the 9th–13th centuries]. Moscow, Nauka Publ., 1979. 268 p.
6. Mikhalskaya N. P. *Obraz Rossii v anglijskoj hudozhestvennoj literature IX–XIX vekov* [The image of Russia in English fiction of the 9th–19th centuries]. Moscow, Gorky Literary Institute Publ., 2003. 132 p.
7. Beasley R. *Russomania: Russian Culture and the Creation of British Modernism, 1881–1922*. Oxford, Oxford University Press, 2020. 550 p.
8. Boym S. From the Russian soul to post-communist nostalgia. In: *Representations*, 1995, vol. 49, pp. 133–166.
9. Brewster D. The Russian Soul: An English Literary Pattern. In: *The American Scholar*, 1948, vol. 17, no. 2, pp. 179–188.
10. Brown C. The Russian Soul Englished. In: *Journal of Modern Literature*, 2012, vol. 36, no. 1, pp. 132–149.
11. Deavel D. P., Wilson J. H. *Solzhenitsyn and American Culture: The Russian Soul in the West*. Notre Dame, University of Notre Dame Press, 2020. 392 p.
12. Dowler W. *Dostoevsky, Grigor'ev, and Native Soil Conservatism*. Toronto, University of Toronto Press, 1982. 240 p.
13. Erley M. *On Russian Soil: Myth and Materiality*. Ithaca: Cornell University Press, 2021. 204 p.
14. Jackson J.-M. *South African Literature's Russian Soul: Narrative Forms of Global Isolation*. London, Bloomsbury Publishing, 2015. 248 p.
15. Peterson D. E. Justifying the Margin: The Construction of “Soul” in Russian and African-American Texts. In: *Slavic Review*, 1992, vol. 51, no. 4, pp. 749–757.
16. Williams R. C. The Russian soul: a study in European thought and non-European nationalism. In: *Journal of the History of Ideas*, 1970, vol. 31, no. 4, pp. 573–588.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Сушкова Дарья Витальевна – аспирант кафедры истории русской литературы Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова;
e-mail: windyway4117@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

D. Souchkova – Postgraduate Student, Department of History of Russian Literature, Lomonosov Moscow State University;
e-mail: windyway4117@gmail.com

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Сушкова Д. В. “The Russian soul” в англоязычной критике начала XX века и сегодня // Отечественная филология. 2025. № 1. С. 158–168.
DOI: 10.18384/2949-5008-2025-1-158-168

FOR CITATION

Souchkova D. V. “The Russian Soul” in English-Language Criticism in the Early XX Century and Today. In: *Russian Studies in Philology*, 2025, no. 1, pp. 158–168.
DOI: 10.18384/2949-5008-2025-1-158-168